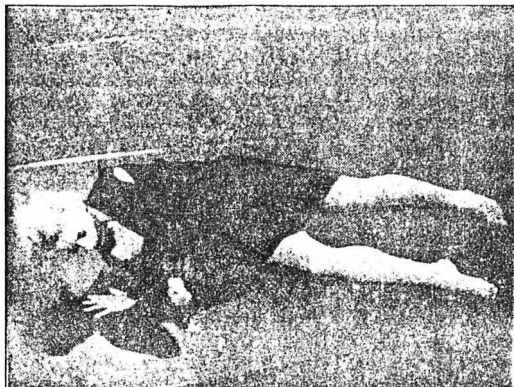

Моск. правда. — 1994. — 16 дек. — С. 4. Ревела буря, дождь шумел...

«МП» уже извещала своих читателей, что на короткие гастроли из Франции к нам приезжает всемирно известный, судя по рекламе, танцевальный дуэт Жоэль Бувье и Режи Обадья. И вот мы в зрительном зале.

...Непроглядная тьма разорвалась слепящими вспышками молний, оглушительными раскатами грома и хлещущими потоками дождя. Лишь постепенно глаз различил свисавшие из-под колосников веревочные качели и фигуру мужчины в черной одежде. Зазвучала музыка (автор ее в программе не был обозначен, впрочем, не все ли равно, под какую музыку будут двигаться актеры в одноактном французском балете под английским названием «Welcome to Paradise» - «Добро пожаловать в рай»). Звук последних тяжелых капель дождя сопровождал появление женщины в черном, с большим старинным ридикюлем. Под какие-то размытые голоса (смысл, видимо, тоже необязательный) она, скинув туфли, зашлепала босыми пятками по планшету, совершая движения, долженствующие, очевидно, означать танец. Вот она повисла на качелях, приподняв юбку, потом долго и нудно качался мужчина, а партнерша, лежа у задника, сучила ногами, вскидывая юбку. Событие произошло на веревках. Обвиснув каким-то невнятным мешком, пара долго раскачивалась под дивной красоты и гармонии музыку Верди в исполнении легендарной Марии Каллас. Хотелось закрыть глаза и слушать страстный, молящий голос, певший об огромной любви, прекрасной, очищающей душу и ничего не имеющей общего с бесформенным комком, висящим на веревках. Но вокальная фраза оборвалась на полуслове. Мужчина, как насытившаяся пиявка, свалился на пол, а женщина начала безучастно собирать свои разбросанные вещи.

Вот тут-то нас и ожидала самая главная

творческая находка. Мужчина, выхватив ридикюль из рук женщины, начал рассыпать из него горсти пудры, быстро превратив сценическое пространство в подобие мутной белесой мглы, означавшей, вероятно, томившее героев вождение. Вдоволь навалявшись на засыпанной пудрой сцене, герои исчезли во тьме египетской, оставив зрителей осмыслять не столько удивное, сколько приведенные в программе отзывы ряда газет об этом балете. Французская «Монд», например, писала: «Она такая белокурая. Она такой брюнет. И оба они такие красивые. В них такая сценичность, такой магнетизм, что мы сразу же к ним привязываемся... Все начинается с грозы - гром, молнии, стук крупных капель дождя, словом, метафора страсти... У Бувье и Обадья достаточно таланта, чтобы уметь быть краткими: балет длится ровно 50 минут, и это само совершенство...»

Второе отделение было шадящим и длилось всего 10 минут. Оно состояло из двух короткометражных фильмов (это тоже одно из новшеств цивилизованной Европы: зачем тратить целый вечер на какое-то «Лебединое озеро», когда можно с пользой для пищеварения и интеллекта посмотреть пестрый коллаж - тут вам и Верди; и пудра, и босые пятки - без всякого занудства). Итак, фильм первый - «Объятие». Разумеется, вначале гром, потоки воды, «словом, метафора страсти». Растражированные девушки (в кино это просто) сидят на стульях и резким движением руки соединяют свои ноги. Это движение повторяется в разных ракурсах в течение пяти минут, чтобы даже самый бестолковый зритель понял, что бывает объятие не только тел, но и ног, принадлежащих одному субъекту.

Фильм второй - «Спальня». За 5 минут экранного времени продемонстрировано 12 борцовских бросков партнерши на кушетку (гром в данном случае заменен уханьем несчастной мебели). Что касается робких вопросов некоторых зрителей: «Это все или еще что-нибудь будет?», то их вполне можно отнести к проискам несломленных еще ретроградов, ждущих от искусства чего-то более возвышенного и духовного, нежели удовлетворения элементарных физиологических потребностей. Не то время нынче, господа.

Нелли ОНЧУРОВА.